

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ЭЛИЗАБЕТ СТРАУТ

МЕНЯ ЗОВУТ
ЛЮСИ БАРТОН

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С83

Elizabeth Strout
MY NAME IS LUCY BARTON

Copyright © 2016 by Elizabeth Strout
Фото автора © Photo by Leonardo Cendamo

The translation is published by arrangement with Random House,
a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Е. Фрадкиной*

Художественное оформление *А. Старикова*

Страут, Элизабет.

С83 Меня зовут Люси Бартон : [роман] / Элизабет Страут ; [пер. с англ. Е. З. Фрадкиной]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 192 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-92657-2

Люси просыпается в больничной палате и обнаруживает рядом собственную мать. Мать, которую она не видела много лет, которая никогда не была с ней нежна в детстве, которая не могла ее защитить, утешить, сделать ее жизнь если не счастливой, то хотя бы сносной.

Люси хочется начать все с чистого листа. Быть просто Люси Бартон — забыть, как родители били ее и запирали в старом грузовике, забыть, как ее, вечно грязную и оборванную девочку, унижали и дразнили в школе.

Но в то же время взрослой Люси — замужней женщине, матери двух дочерей, автору нескольких опубликованных рассказов — так не хватает материнского тепла.

И мать ее тоже одинока, и ей тоже, наверное, не хватает душевной близости. Но как быть, если нет дара любить?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92657-2

*Моей подруге
Кэти Чемберлен*

Много лет назад мне пришлось провести в больнице почти девять недель. Это было в Нью-Йорке, и по ночам со своей кровати я видела Крайслер-билдинг¹ в геометрическом сиянии огней. В течение дня красота этого здания тускнела, и постепенно оно становилось просто одной из больших конструкций на фоне голубого неба. Все городские здания казались очень далекими и безмолвными. Был май, затем наступил июнь — помню, как я стояла у окна и смотрела вниз, на тротуар. Там проходили молодые женщины в весенних нарядах, мои ровесницы. У них был перерыв на ланч. Я смотрела, как они жестикулируют, о чем-то беседуя, как ветер треплет их блузки, и думала: когда выйду из боль-

¹ Небоскреб в Нью-Йорке. *Здесь и далее если не указано иное, примеч. перев.*

ницы, то каждый раз, проходя по тротуару, буду благодарна за то, что я — одна из них. И много лет так и было, поскольку я помнила, как смотрела вниз из больничного окна, и благословляла даже тротуар, по которому ступаю.

Сначала это была простая история: я легла в больницу, чтобы мне удалили аппендикс. Через два дня меня покормили, но пища не удерживалась в желудке. А потом началась лихорадка. Никому не удавалось выделить какие-нибудь бактерии или понять, в чем дело. И никто так никогда и не разобрался. Мне вводили питательные растворы и антибиотики с помощью капельницы. Она была прикреплена к металлическому шесту на шатких колесиках, и я таскала ее за собой, но быстро уставала. К началу июля мои проблемы закончились. Однако до тех пор я пребывала в очень странном состоянии: это было в буквальном смысле лихорадочное ожидание, и я очень страдала. У меня дома остались муж и две маленькие дочки. Я ужасно скучала по своим девочкам и так беспокоилась о них, что, наверно, это ухудшало

мое состояние. Я питала глубокую привязанность к своему доктору. Это был еврей, который кротко нес на своих плечах печаль (я слышала, как он говорил медсестре, что его дедушка, бабушка и три тетушки погибли в концлагерях). У него были жена и четверо взрослых детей здесь, в Нью-Йорке. Этот чудесный человек, я полагаю, сочувствовал мне. Он распорядился, чтобы моих девочек — одной было тогда пять, а второй шесть — пустили ко мне, если они ничем не больны. Их привела в мою палату подруга нашей семьи, и я увидела, какие у них грязные личики, и волосы тоже. Я потащила их в душ, волоча за собой капельницу. Они закричали: «Мамочка, какая ты тощая!» Девочки в самом деле испугались. Потом они сидели на моей кровати, а я вытирала им волосы полотенцем. А когда они начали рисовать картинки, то делали это с опаской: не спрашивали каждую минуту: «Мамочка, мамочка, тебе это нравится? Мамочка, посмотри на платье моей сказочной принцессы!» Они очень мало говорили, особенно младшая. Обняв ее за плечи, я увидела, как выпятилась нижняя

губка и дрожит подбородок. Эта кроха изо всех сил старалась быть храброй. Когда они распрощались, я не стала смотреть из окна, как они уходят с моей подругой, которая их привела и у которой не было собственных детей.

Мой муж, естественно, был занят: он вел дом и был загружен на работе, поэтому ему редко удавалось навестить меня. Когда мы познакомились, он сказал мне, что терпеть не может больницы: когда ему было четырнадцать, его отец умер в больнице. Теперь я поняла, что мой муж действительно их терпеть не мог. В первой палате, куда меня поместили, лежала умирающая старуха. Она все время звала на помощь, и меня поражало, с каким безразличием слушают медсестры, как она кричит, что умирает. Муж не мог этого вынести — я имею в виду, не мог вынести, что ему приходится навещать меня там, — и перевел в отдельную палату. Нашей медицинской страховки не хватало, чтобы оплатить такую роскошь, и с каждым днем наши сбережения таяли. Я была благодарна, что не слышу криков бедной женщины, но если бы кто-нибудь

узнал, насколько мне одиноко, мне было бы неловко. Когда приходила сестра, чтобы измерить мне температуру, я старалась задержать ее хоть на несколько минут. Но сестры были заняты и не могли тратить время на болтовню.

Однажды вечером, примерно через три недели после того, как я попала в больницу, я обнаружила, что в изножье кровати, в кресле, сидит моя мать.

— Мама? — удивилась я.

— Привет, Люси, — ответила она. Ее голос звучал робко, но вместе с тем как-то настойчиво. Она наклонилась и сжала мою ступню через одеяло. — Привет, Уизл¹.

Я много лет не видела мать и смотрела на нее во все глаза, но никак не могла понять, почему она какая-то другая.

— Мама, как ты сюда попала?

— О, я прилетела на самолете. — Она стиснула пальцы, и я почувствовала, как нам трудно справиться с эмоциями.

Я опустилась на подушку.

¹ Игра слов — weed (англ. сорняк) в разговорной речи стало wizzle. Прим. ред.

— Думаю, с тобой все будет хорошо, — добавила она все тем же робким, но настойчивым голосом.

У меня не было никаких снов. Оттого, что она здесь и называет меня прозвищем, которого я не слышала столько лет, мне стало тепло. Обычно я просыпалась в полночь и дремала урывками. Порой у меня не было сна ни в одном глазу, и тогда я смотрела в окно, на огни города. Но в ту ночь я крепко спала, а утром обнаружила, что мама сидит на том же месте, что и накануне.

— Это не важно, — ответила она на мой вопрос. — Ты же знаешь, я мало сплю.

Сестры предложили принести ей койку, но она отрицательно покачала головой. И каждый раз в ответ на это предложение сестер она качала головой. Через какое-то время сестры перестали спрашивать. Моя мать оставалась со мной пять ночей, и она спала только сидя в кресле.

Во время нашего первого дня, проведенного вместе, мы с мамой время от времени возобновляли беседу. Я думаю, ни одна из нас не знала, что делать. Она задала мне

несколько вопросов о моих девочках, и к моему лицу прихлынула кровь.

— Они изумительные, — сказала я. — О, они просто изумительные.

Мама ничего не спросила о моем муже, хотя (он сказал мне это по телефону) именно он позвонил ей и попросил приехать и побыть со мной, и оплатил ее билет на самолет. Он предложил встретить ее в аэропорту: ведь моя мать никогда прежде не летала. И хотя она отказалась, сказала, что возьмет такси, мой муж снабдил ее инструкциями и деньгами, чтобы она добралась до больницы самостоятельно. Сейчас, сидя в кресле в изножье моей кровати, мама ни словом не обмолвилась о моем отце, так что я тоже о нем не спросила. Мне все время хотелось, чтобы она произнесла: «Твой отец надеется, что тебе станет лучше». Но она так не сказала.

— Было очень трудно поймать такси, мама?

Она заколебалась, и я почувствовала ужас, который, должно быть, охватил ее, когда она вышла из самолета. Но она ответила:

— У меня же есть язык.

Помолчав с минуту, я сказала:

— Я в самом деле рада, что ты здесь.

Ее губы тронула улыбка, и я перевела взгляд на окно.

Это было в середине 1980-х — тогда еще не было сотовых. Когда зазвонил бежевый телефон рядом с кроватью, мама, несомненно, поняла, что это мой муж — поняла по жалобному тону. Я произнесла «привет», словно готова была расплакаться. Она тихо поднялась с кресла и вышла из комнаты. Полагаю, все это время она сидела в кафетерии — ведь я никогда не видела, чтобы она ела. А быть может, она звонила моему отцу из телефона-автомата в вестибюле: наверно, его интересовало, благополучно ли она долетела. Насколько я понимаю, у них были нормальные отношения. После того как я поговорила с обеими девочками, дюжину раз поцеловав телефонную трубку, и опустилась на подушку, прикрыв глаза, мама тихонько проскользнула в комнату. Когда я открыла глаза, она была на месте.

В тот первый день мы говорили о моем брате, самом старшем из нас троих. Он не

был женат и жил вместе с родителями, хотя ему было тридцать шесть. Говорили мы и о моей старшей сестре, которой было тридцать четыре и которая жила в десяти милях от родителей с пятью детьми и мужем. Я спросила, есть ли у брата работа.

— У него нет работы, — ответила мать. — Он проводит ночь со всеми животными, которых назавтра должны убить. — Я переспросила, и она повторила сказанное, добавив: — Он идет в сарай Педерсонов и спит рядом со свиньями, которых завтра отправят на бойню. — Это меня удивило, и я так и сказала. Мама пожала плечами.

Потом мы с мамой поговорили о медсестрах. Мама сразу же дала им прозвища: тощую сестру в хрустящем накрахмаленном халате она назвала Печенье, мрачную сестру постарше — Зубная Боль, а индианку, которая нравилась нам обеим — Серьезный Ребенок.

Но я устала, и мама начала рассказывать мне истории о людях, которых знала много лет назад. Я не узнавала ее манеру речи: казалось, в ней годами копились чувства и наблюдения, и теперь она говорила